

Горский А. В., прот. Слово на литургии преждеосвященных даров: [Произнесено 17 марта 1869 г.] // Богословский вестник 1895. Т. 1. № 3. С. 339–344 (3-я пагин.).

С Л О В О

на литургіи преждеосвященныхъ даровъ *).

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ.

Слова сіи сейчасъ напоминаютъ вамъ объ особенномъ, торжественномъ дѣйстви, при которомъ они произносятся служителемъ алтаря, дѣйстви никогда болѣе не повторяющемся въ православномъ богослуженіи. Они напоминаютъ вамъ священника, исходящаго изъ святилища съ возженнымъ свѣтильникомъ и курящеюся кадильницею. И только что предъ этимъ онъ возгласилъ къ собранію предстоящихъ: *премудрость*,—въ ознаменованіе того, что дѣйствіе и слово его должно имѣть особенное, глубокое значеніе. Только что успѣлъ онъ сказать: *прости*,—т. е. выразить требованіе, чтобы молящіеся стали прямо,—и несмотря на то, лишь только является онъ къ нимъ съ свѣтильникомъ и кадиломъ,—вся церковь повергается ницъ предъ священными знаменіями, при словахъ: *свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*.

Что же это значить? Прежде нежели приступимъ къ объясненію этого знаменательнаго явленія, считаемъ нужнымъ замѣтить, что, по древнимъ памятникамъ церковнаго богослуженія, не вездѣ оно совершалось въ такомъ точно видѣ. Соображеніе этихъ древнихъ обрядовъ поможетъ объясненію того, что совершается предъ нашими глазами. Извѣстный истолкователь православнаго богослуженія, архіепископъ солунскій Симеонъ свидѣтельствуетъ, что въ его время, т. е. лѣтъ чтыреста назадъ, дѣйствіе это совершалось такимъ образомъ:

Прежде всего замѣчаетъ онъ, что первый выходъ священника изъ алтаря на вечерни, соединенной съ литургіею

*) Произнесено 17 марта 1869 г.

преждеосвященныхъ даровъ, совершался безъ свѣтильника, и братія, при наступавшемъ сумракѣ вечернемъ, также оставались безъ свѣта. Но когда начиналось чтеніе изъ книги Бытія, священникъ, или, вмѣсто его, діаконъ, въ предшествіи свѣтильниковъ, и самъ держа въ рукахъ кадильницу и свѣщу возженную, исходилъ изъ алтаря и боковыми частями храма проходилъ до конца его. Когда же чтеніе изъ книги Бытія оканчивалось, онъ вдругъ являлся во входныхъ вратахъ храма, совершалъ крестъ кадиломъ и возглашалъ: *премудрость, прости. Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*. Затѣмъ входилъ онъ въ алтарь, и тогда уже во всей церкви возжигали свѣщи по обычаю.

Изъ этого описанія видно, что все это дѣйствіе состоитъ въ тѣсной связи съ освѣщеніемъ храма. Ранѣе этого не было возженныхъ свѣтильниковъ во храмѣ; свѣтъ износился изъ алтаря, стороною переносился до входа въ храмъ, и потомъ торжественно вносился во храмъ, и наконецъ во святыи алтарь. Вслѣдъ за тѣмъ вся церковь освѣщалась.

Но одно обыкновенное во время богослуженія, именуемаго свѣтильничнымъ, необходимое и по времени дня возженіе свѣтильниковъ не вызвало бы церковь къ такому торжественному дѣйствію. Не предъ обыкновенными свѣтильниками братія, сидѣвшіе въ молчаніи и внимавшіе чтенію, должны были возставать. Не этотъ чувственный свѣтъ, вносимый во храмъ, называлъ священнослужитель свѣтомъ Христовымъ, когда говорилъ: *свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*. Свѣтъ чувственный въ настоящемъ случаѣ былъ символомъ свѣта духовнаго.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, нѣкоторыя частности дѣйствія измѣнились. Самое время, когда оно совершается, хотя по чину церковному и должно быть и называется вечернимъ, но по большей части, какъ и нынѣ, принадлежитъ ему къ первой половинѣ дня. Уже отъ этого одного обрядъ терялъ бы часть своей торжественности, если бы и совершался съ прежнею обстановкою. Потому нынѣ не съ появленіемъ священнослужителя во вратахъ храма возжигаютъ свѣщи въ церкви, но гораздо ранѣе; и свѣтъ не отъ дверей храма вносится въ алтарь, но во вратахъ алтаря является предъ народомъ, при возглашеніи тѣхъ же впрочемъ словъ, какія и прежде произносились.

Но съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ частныхъ не измѣнилась мысль священнодѣйствія. И падающій ницъ народъ, при этомъ священнодѣйствіи, самимъ этимъ преклоненіемъ свидѣтельствуетъ, что онъ поражается великостію его духовнаго значенія.

Можетъ быть, кому нибудь представится вопросъ: если это дѣйствіе есть только принадлежность вечерняго богослуженія, то почему же не совершается оно на обычной вечернѣ ежедневно, но при болѣе торжественномъ совершеніи вечерняго богослуженія въ нарочитыя празднества церкви?—Почему оно совершается только въ великую четырехдесятницу, и здѣсь только при соединеніи вечерни съ литургіею преждеосвященныхъ даровъ?

Эти вопросы заставляютъ насъ углубиться въ болѣе отдаленныя времена, и по нѣкоторымъ указаніямъ искать объясненія историческаго происхожденія этихъ обрядовъ еще въ тѣхъ временахъ, когда дни св. четырехдесятницы служили приготовленіемъ для множества ищущихъ св. крещенія. Св. четырехдесятница была наилучшимъ и наиболѣе избираемымъ для того временемъ. Только въ это время крещеніе въ смерть Христову и спогрѣбеніе съ пострадавшимъ за насъ Христомъ могло совпадать со днями страданій и смерти Господа нашего Иисуса Христа. — Крещеніе же справедливо называлось и называется просвѣщеніемъ—отъ свѣта евангельскаго; крещенные называются *просвѣщенными* (Евр. 6, 4. 10, 32), оглашенные, готовящіеся къ крещенію—готовящимися къ просвѣщенію. Извѣстно, что о нихъ приносились особыя молитвы церковію въ св. четырехдесятницу, кромѣ всегдашнихъ молитвъ объ оглашенныхъ. Оглашенные могли присутствовать при началѣ литургіи, во время чтенія изъ Св. книгъ и слѣдовавшаго за тѣмъ поученія; потомъ, послѣ молитвы вѣрныхъ о нихъ, получивъ благословеніе отъ священнодѣйствующаго, они оставляли собраніе. Готовящіеся къ просвѣщенію крещеніемъ получали особыя наставленія въ вѣрѣ, и также, по принесеніи о нихъ молитвы вѣрныхъ и благословеніи, были отпускаемы.—Извѣстно также, что всѣ они стояли или въ притворахъ храма, или во вратахъ его.—Итакъ, для привлеченія ихъ къ слушанію чтеній и поученія, къ совершенію о нихъ молитвъ и преподанію имъ благословенія, и должно

было служить это таинственное приближеніе священнодѣйствующаго со свѣтильникомъ ко вратамъ храма. Оно выражало собою то, что Иисусъ Христосъ благоволилъ быть свѣтомъ и для нихъ, какъ Онъ есть свѣтъ истинный для всѣхъ вѣрныхъ. И служитель церкви, возглашая: *свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*,—какъ бы говорилъ стоящимъ у дверей дома Божія: приближьтесь и вы къ Нему, еще пребывающіе во тьмѣ и сѣни смертной. *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*.

Вотъ чѣмъ можно объяснить назначеніе этого обряда собственно при богослуженіи въ св. четырехдесятницу!—Теперь понятно, какое глубокое значеніе онъ долженъ былъ имѣть для вѣрныхъ и для готовящихся быть вѣрными. Объясняя его происхожденіе, мы уже по необходимости должны были коснуться этого значенія; но важность его побуждаетъ насъ войти еще въ нѣкоторыя подробности.

Вечернее богослуженіе, съ которымъ соединяется литургія преждеосвященныхъ даровъ, напоминаетъ намъ объ установленіи вечерняго священнодѣйствія еще въ скинии ветхозавѣтной. Кромѣ обычнаго жертвоприношенія, каждый день долженъ былъ священникъ возжигать въ святилищѣ седмисвѣщный свѣтильникъ, который и горѣлъ всю ночь. Это было не для потребностей служащихъ при скинии: потому что святилище не было входно ни для кого, кромѣ священниковъ, а ночью никакихъ священнодѣйствій въ скинии не отправлялось. Это возженіе свѣта въ святилищѣ имѣло чисто духовное значеніе. Оно указывало на пребываніе Бога въ свѣтѣ непреступномъ, на то, что у *Отца свѣтовъ нѣтъ премоеніе или преложенія стѣнь* (Іаков. 1, 17), нѣтъ измѣненія свѣта и тьмы, но всегда свѣтъ. Оно указывало на свѣтъ закона, даннаго Израилю и хранившася за завѣсою, на то, что *завѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (Пс. 18, 9). Оно указывало прозорливымъ на свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, чаемый пророками и царями и имѣющій открыться церкви — въ седмичастныхъ дарахъ Духа Святаго. Итакъ, установленіе ветхозавѣтное нѣкоторымъ образомъ вызывало церковь Новаго Завѣта къ провозглашенію, что наступило наконецъ это время, вождѣльное для ближнихъ и дальнихъ: *свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ*

всѣхъ. И въ ознаменованіе этого проносили свѣтъ изъ алтаря къ вратамъ храма, а отъ вратъ храма обратно въ святилище.

Это дѣйствіе, какъ мы знаемъ, совершается между двумя чтеніями изъ Ветхаго Завѣта. Въ богослуженіи св. четырехдесятиницы вообще нельзя не примѣчать преобладанія чтеній Ветхаго Завѣта предъ новозавѣтными. На вечернемъ богослуженіи предлагается чтеніе изъ книгъ Бытія и изъ Притчей; на полуденномъ богослуженіи чтеніе изъ книги пророка Исаи. Кромѣ того книга псалмовъ въ теченіе седмицы предлагается двукратно. Между тѣмъ чтенія новозавѣтныя въ дни поста не предлагаются совсѣмъ. Такое устройство согласно съ духомъ строгости подзаконной, которой требуетъ покаяніе грѣшника въ дни поста. Утратившій грѣхами благоволеніе Отца Небеснаго, по необходимости, долженъ въ духѣ нести тяжесть подзаконнаго состоянія, и потому болѣе питаться словомъ ветхозавѣтныхъ пророковъ. — Но для облегченія этой тяжести ему нуженъ и отрадный свѣтъ благодати евангельской. И вотъ среди двухъ ветхозавѣтныхъ уроковъ пробѣгаетъ молніей — свѣтлый лучъ Евангелія, возглашается слово о свѣтѣ Христовомъ. Какой это свѣтъ? Это — *свѣтъ тихій, свѣтъ святыхъ славы, свѣтъ Безсмертнаго, Отца Небеснаго, Святаго, Блаженнаго*. Это не грозный свѣтъ и огонь Синайскій, но кроткій, отрадный свѣтъ Примирителя Бога и человѣковъ, тихо разливающийся изъ Іерусалима въ Іудею, отъ іудеевъ къ язычникамъ, изъ страны въ страну, отъ народа къ народу, изъ вѣка въ вѣкъ, и повсюду приносящій съ собою миръ, просвѣщеніе, святую, блаженство. *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*.

Это кратковременное, безмолвное явленіе свѣта Христова не напоминаетъ ли перваго также кратковременнаго и также безмолвнаго явленія Сына Божія, на берегу Іордана, послѣ совершенія имъ четырехдесятиницы въ пустынѣ, когда только зоркій взоръ Іоанна примѣтилъ и указалъ въ немъ *Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра* (Іоан. 1, 29)?

Онъ безмолвствуетъ, но ученики Его проповѣдуютъ. *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*. И вотъ въ древней церкви, послѣ перваго чтенія изъ книги Бытія, предлагались поученія, руководившія къ разумѣнію ветхозавѣтныхъ писаній въ духѣ евангельскомъ. Вамъ извѣстны поученія

многихъ св. отцевъ, пользовавшихся этими часами для истолкованія книги Бытія. Вамъ извѣстно, какою глубокою и обширною ученостію и въ то же время какимъ высокимъ ученіемъ богословскимъ и духомъ евангельскимъ исполнены слова св. Василія Великаго на шестодневъ, которыя онъ произносилъ въ началѣ поста, утромъ и вечеромъ. Помните ли, какъ онъ, оканчивая слово о первомъ днѣ міробытія, за вечернимъ богослуженіемъ, заключаетъ его молитвою: „Отецъ истиннаго свѣта, украсившій день свѣтомъ небеснымъ, просвѣтлившій ночь блескомъ *огня*, предъуготовившій упокоеніе будущаго вѣка въ духовномъ и непрекращающемся свѣтѣ, да просвѣтитъ сердца ваши въ познаніи истины и да соблюдетъ жизнь вашу неприкосновенною, даровавъ вамъ, *яко во дни благообразно ходити*, чтобы возсіяты, подобно солнцу, во свѣтлости святыхъ, въ день Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ“. (Слов. 2).

Ничѣмъ лучше и мы не можемъ заключить свое слово, какъ сею же молитвою. — Еще не изчерпали мы весь смыслъ священнаго обряда, на которомъ остановили наше вниманіе. Но если Господь дастъ свободу, побесѣдуемъ и еще о немъ. Между тѣмъ предлагаю разсужденію вашему вопросъ: какъ бы нынѣ, при пособіи современной науки, но на томъ же основаніи Слова Божія, можно было въ церковныхъ поученіяхъ предлагать ученіе о началѣ и устройствѣ міра такъ, чтобы и здѣсь свѣтъ Христовъ бралъ верхъ на тьмою лже-мудрованій человѣческихъ?—Аминь.

Прот. А. Горскій.
